

«НАРСПИ» К.В. ИВАНОВА:
ТРАДИЦИИ ЧУВАШЕЙ НА СТРАНИЦАХ ПОЭМЫ

В.В. Медведев

*Сургутский государственный педагогический университет, Сургут,
vlad.etno@mail.ru*

Аннотация. Произведение К.В. Иванова «Нарспи» представляет собой художественный, но достаточно достоверный этнографический источник о жизни чувашской деревни конца XIX – начала XX в. Поэму неоднократно перепечатывали. В фондах «Государственного архива печати Чувашской Республики» находится 31 переиздание произведения, 9 из которых опубликованы на чувашском языке в Москве, Чебоксарах и Казани в 1919, 1930, 1935, 1947, 1959, 1967, 1976, 1993 и 1994 гг. 2078 строк, собранные в 14 главах, создают рассказ о чувашской культуре и традициях. Обратившись к различным аспектам жизни чувашей, особенностям ведения хозяйства или народным представлениям, встречаем их красочные примеры и оригинальные описания. Исследователи неоднократно обращались и обращаются в настоящее время к этому произведению, раскрывая новые стилевые конструкции, акцентируя внимание на актуальных на сегодняшний день сюжетах, но рассматривая поэму только с литературной позиции, а текст «Нарспи» изобилует материалами этнографического и фольклорного характера. В свою очередь, рассмотрим доместицированное пространство, созданное сельским миром. Впервые будут проанализированы поселения, жилища, хозяйственные постройки и объекты, совместно использовавшиеся односельчанами, упоминаемые в поэме. Статья затрагивает структуру поселения и его уличное планирование, комплекс усадьбы с жилыми и надворными постройками, внутреннюю организацию домашнего пространства. Слог автора, повествуя о взаимоотношениях Нарспи и Сетнэра, чувашской общины в целом, позволяет читателю погрузиться в деревенскую жизнь прошлых столетий благодаря многочисленным этнографическим зарисовкам, наполняющим содержание поэмы.

Ключевые слова: «Нарспи», поэма, этнография, чуваша, традиции

Введение

Мир чувашской деревни, ее пространство, занимаемое и доместицированное жителями, неоднократно являлись объектами изучения и описания исследователей. Безусловно, стоит указать издания Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова, В.К. Магнитского, Н.В. Никольского, В.А. Сбоева и др. Публикации, содержащие исторические и этнографические материалы, создают перед читателями образы чувашских поселений, подчеркивая их единство и одновременно своеобразие.

Медведев Владислав Валентинович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарного образования социально-гуманитарного факультета Сургутского государственного педагогического университета.

Рис. 1. Жительницы с. Слакбаш (БАССР, Белебеевский кантон, с. Слакбаш, 1929 г.)
Фото П.А. Петрова-Туринге. НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

В одном ряду с научными изданиями находится литературное произведение «Нарспи», созданное К.В. Ивановым и представляющее собой источник по этнографии и фольклору чувашей. Неслучайно П.П. Хузангай охарактеризовал поэму как «национальное чудо, вершинный блеск дореволюционной чувашской культуры»¹.

«Нарспи» – уже неотъемлемая часть классических произведений отечественной и мировой литературы. Об этом свидетельствуют переводы поэмы и ее прочтение на чувашском, татарском, башкирском, марийском, мордовском, удмуртском, якутском, венгерском, русском, украинском, болгарском, немецком, французском, английском, итальянском, азербайджанском, а также турецком языках.

Родиной автора «Нарспи» является д. Слакбаш / *Слакнус* Белебеевского уезда Уфимской губернии. По одной из версий, поселение возникло в XVIII в. Основали его чувашаи на арендованных башкирских землях. Согласно иному предположению, происхождение связано с чувашами, переселившимися уже в 1618 г. из с. Тупах Чебоксарского уезда Казанской губернии. Следующая группа чувашей прибыла в 1730–1770 гг. На рубеже XIX–XX столетий «Уфимские епархиальные

¹ Советская Чувашия 10.12.1967.

ведомости» сообщают, что «в двадцати пяти верстах от уездного города Белебея находится село Слакбаш, населенное исключительно чувашами, в котором числятся 210 дворов-домохозяев с жителями 613 человек мужского пола и 587 человек женского пола»² (рис. 1).

Будущий поэт с момента рождения был связан с миром чувашской деревни, точнее сказать, являлся частью этого пространства, созданного односельчанами. Повседневные наблюдения автора и знания в области культуры и фольклора чувашей отразились в его произведениях. Созданию «Нарспи» предшествовали записи вербальных текстов молитв, знахарских заговоров, а также сбор, систематизация сведений по истории семьи и издание родословного древа³.

Центральным произведением в творчестве К.В. Иванова является «Нарспи», появившееся на рубеже 1907–1908 гг. Название поэмы – имя главной героини. Первая публикация была осуществлена в издании «Сказки и предания чуваш» / «*Чăваш халлапĕсем*» в 1908 г. в Симбирске. Это антология чувашской литературы, подготовленная к печати И.Я. Яковлевым к 40-летию Симбирской чувашской школы. Поэма, по словам автора, представляет собой стихотворное предание, услышанное и записанное в родном селе. Исследователи, занимающиеся изучением произведения, определяли его как стихотворную повесть, поэму, лиро-эпическую поэму, поэму, содержащую переходное состояние от эпоса к лирике и драме, трагедию, поэму-предание и лирическую поэму.

На страницах статьи рассмотрим публикацию «Нарспи» 1937 г., осуществленную государственным издательством «Художественная литература». Поэма представлена на русском языке, а «вольный перевод с чувашского», как извещает читателя надпись на титульной странице, выполнен Андреем Трофимовичем Петуховым / *Андреем Петтоки*. Он – автор первой версии поэмы на русском языке, отражающей оригинальное изложение. Именно данный вариант текста опубликовали самостоятельной книгой⁴. По мнению автора статьи, такой перевод и издание поэмы являются наиболее этнографическими, воссоздающими даже при поверхностном прочтении текста образ поселения чувашей рубежа XIX–XX столетий. Вполне закономерно, что «Нарспи» называют «энциклопедией жизни чувашской деревни»⁵.

В настоящее время одной из немногих работ, адресованных этнографическому и фольклорному наследию чувашей в поэме К.В. Иванова, является публикация И.Г. Петрова⁶. Исследователь обращает внимание на особенности расположения чувашского поселения, комплексов одежды (женских и мужских, повседневных и праздничных), календарных обрядов и свадебного торжества. Мировоззренческие взгляды, представления народа также были отражены автором статьи. Например, приведен анализ повествования о предсказании деревенским знахарем будущего при помощи монеты, с описанием соответствующего наряда и магических действий.

² Иванов 2005, 631–632.

³ Петров 2011, 182.

⁴ Иванов 1937.

⁵ Петров 2011, 182.

⁶ Петров 2011.

Каждая глава поэмы содержит этнографические сюжеты и изображения жизни чувашей. Достаточно красноречивы названия глав: «Вечер в сьимэк», «После сьимэк» (*сьимёк* «родовой праздник по символическому угощению предков»), «Туй», «Два туй» (*туй* «свадьба»), «У йомзи» (*юмйç* «знахарь»). На первых же страницах произведения читатель знакомится с чувашской деревней:

Ял [деревня – В.М.] Сильби богат и славен,
 Как хоромы, встали избы,
 Пьют прохладу старых ветел.
 Новой ивовой оградой
 Он затейливо охвачен.
 Семь ворот – твердынь из дуба –
 На семи концах деревни...

Вдоль широких улиц яла
 Тесом крытые строенья
 Густо зеленью одеты –
 Будто стены крепостные
 Всех их спрятали от глаза.
 Желтизной сосновых досок
 Блещут новые ворота
 И узорчатой резьбою
 Взор прохожих привлекают⁷.

Строки К.В. Иванова показывают организацию традиционного чувашского поселения, подмечая наличие полевой изгороди. *Укълча* – «околица», «полевая ограда» состояла, как правило, из прясла из жердей *вёрлёк карта*, опоясывающих населенный пункт. Она защищала будущий урожай и одновременно символизировала границу domesticiрованного пространства и внешнего мира. Пересечение полевой изгороди приравнивалось к прощанию с родными местами и началу нового пути. Околица была немыслима без полевых ворот и движения через *ял хапхи, уй хапхи, укълча хапхи* в деревню. Наглядно проиллюстрировано это ожиданием свадебного поезда, *пуса каччисем* («свиты жениха») жителями Сильби у полевых ворот и въездом Тохтамана.

Чувашские поселения описанного в произведении периода повсеместно имели уличную планировку, но были верны и традиции, т.е. сохраняли участки леса либо искусственно засаживались деревьями и кустарниками. Сказано и об использовании дерева как преобладающего материала для строительства. Первая глава характеризует особенности ландшафта, необходимые при возникновении и последующем развитии крупного поселения, которые учитывались чувашами при основании деревни. Сильби – населенный пункт, имеющий приречное расположение, окруженный лесным массивом и обширными угодьями для возделывания зерновых культур и выпаса домашнего скота. Последующее хранение и обмолот снопов проводили на гумнах, расположенных на окраине деревни и наполненных

⁷ Иванов 1937, 6–7.

Рис. 2. Деревенский родник (БАССР, Белебеевский р-н, с. Слакбаш, 1962 г.).
Из собраний Р.М. Шляпкина (РБ, Аургазинский р-н, д. Куезбашево)

«старым хлебом, залежалостью пропахшим»⁸. Слог автора подчеркивает хозяйственное отношение и благосостояние чувашских семей, не молотивших ранее собранные хлеба, а державших их в снопах на гумнах.

Основные события поэмы происходят в крупных чувашских поселениях – Сильби / *Сильпи* («Сильби», «В Сильби») и Кош-Елге / *Хушылка* («В Хушылге»). Содержание «Нарспи» изобилует сведениями о структуре деревни и ее подразделении на *кас* «концы» и *урам* «улицы». Термином *кас* чувашки одновременно обозначали «деревню», «улицы», «околотки». Большой населенный пункт разделялся на *Анат кас* «Нижний конец», *Вӑта кас* «Средний конец» и *Тури (Ту) кас* «Верхний конец». Например, в произведении неоднократно упоминаются *Анат кас* и *Тури (Ту) кас*, а усадьба Михедэра располагается именно в *Тури касе*. Общим деревням свойственны широкие улицы. Отмечена и такая черта, как численность дворов.

Традиционными объектами поселений являлись источники воды, в том числе служившие местом встречи и беседы односельчан, а также деревенские кладбища. С колодцем К.В. Иванов соотносит места свиданий Нарспи и Сетнэра (рис. 2).

⁸ Иванов 1937, 6.

О кладбище неоднократно упоминается в тексте: это символические проводы предков по завершению обряда *калӑм* «весеннее поминание усопших», дароприношение душам умерших при выезде свадебного поезда из Сильби в Кош-Елгу, похороны Сетнэра и родителей Нарспи. Справедливо отмечен автором запрет на захоронение самоубийц в границах кладбища и иное отношение к ним, поэтому сельчане прощаются с Нарспи в том локусе, где ее обнаружили:

Труп несчастной тут же сняли,
Схоронили на пригорке
И вокруг могилы свежей
Из орешника сырого
Свили крепкую ограду⁹.

Единое расположение жилища и хозяйственных построек в непосредственной близости друг от друга на определенном участке составляло замкнутое пространство – *карташ*, *картиш*, *кил картиш*, *кил-сурт*, *кил хушиш*, *нурт-сурт*, *сурт* («двор»). Это соответствует татарскому (и в целом тюркским языкам) произношению *йорт*, что в прошлом употреблялось в значении «дом с постройками», «усадыба, двор», «стан», а в литературном прочтении равнозначно смыслом «страна», «государство», «владение»¹⁰.

Дворы у чувашей были достаточно просторными. Например, 10 покрытых кожей *куме* («свадебных кибиток») и 43 повозки с гостями въезжают «в тохтаманов двор широкий через новые ворота»¹¹. Накануне свадьбы Михедэр во дворе устанавливает скамьи и столы, создавая П-образный *шилӑк* для проведения свадебных торжеств перед этим локусом.

Въезд в усадьбу со стороны улицы был возможен через ворота, соотносившиеся со своеобразным лицом двора. Поэтому накануне свадьбы Тохтаман во дворе устанавливает новые ворота, в которые «без конца въезжают гости». Широкие ворота с коваными створками, ведущие к Михедэру во двор, принадлежали к типу *вырӑсла хапха* («русские ворота») с тесовым двускатным перекрытием¹². Возведение подобных ворот являлось привилегией зажиточных домохозяев в противопоставление бедным семьям, устанавливавшим их из жердей и прясла – *вӑрлӑк хапха*, *сил хапха*.

Двор составляли хозяйственные постройки, необходимые для поддержания жизнедеятельности. Это – лачуга, в которую летним днем уходит семья, хлев для комфортного содержания домашнего скота, баня, где домочадцы дают отдых своему телу после трудовых будней, погреб для хранения овощей и других продуктов в прохладном режиме. В произведении отмечено и еще одно предназначение погреба – как места для брожения *сӑра* («домашнего пива»). Автор перечисляет лачугу, клеть, конюшню, хлев, а также баню (рис. 3).

Архаичная постройка *лаç* («лачуга») названа тихой и чистой. *Лаç* – ранняя форма жилища, представлявшая постройку без потолка и окон, с дымовым

⁹ Иванов 1937, 136.

¹⁰ Надырова 2010, 22.

¹¹ Иванов 1937, 79–80.

¹² Иванов 1937, 44, 69, 79–80.

Рис. 3. Мунча «баня» (БАССР, Белебеевский кантон, с. Слакбаш, 1929 г.)
 Фото П.А. Петрова-Туринге // НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 210

отверстием в крыше и примитивным очагом в центре. Со временем она перенимает функцию летней кухни. Клеть, служившая для сна в теплое время года и для хранения зерновых, бытовых предметов, одежды, упомянута в своем обрядовом назначении – проведение брачной ночи молодоженами. Именно здесь закрывают Тохтамана и Нарспи. В.А. Сбоев писал, что при нахождении молодых наедине, свахи «поют и поют около клетки, где положены новобрачные»¹³.

Центральное место среди домашних построек, естественно, занимало жилище. На страницах поэмы возникают два образа дома – маленькие избы бедных семей и просторные жилища зажиточных домохозяев на примере Михедэра и Тохтамана. Мы встречаем противопоставление двух видов жилищ, бытовавших в чувашских деревнях в годы жизни К.В. Иванова, – традиционные *хура нурт* («курные избы») и поздние *шуря нурт* («белые избы») с печью, снабженной дымоходом с трубой. Стена избы с дверным проемом имела пристроенные к ней сени, через которые входили в дом. В тексте сказано об объектах, составлявших жилище, – дверь, порог, земляной и тесовый пол, углы, окна, печь, предметы интерьера.

Достаточно красноречиво представлена изба знахаря со скромным убранством:

¹³ Сбоев 1856, 37–38.

В черной старенькой избушке,
На широкой низкой лавке...

Не светло в избушке ветхой
От окна в одну зарубку.
Только в дверь вбегает солнце
И по полу земляному,
Словно кот, крадется к деду¹⁴.

Внутреннее пространство жилого дома имело деление на сектора, связанные с углами с соответствующими названиями. От печи по диагонали располагался *кёреке* («передний угол») или *тур кётессе* («божий угол»). *Тёпел* – передняя половина жилища, *тёпел кукри*, *камака умё* – «пространство перед печью». Если его отделяла перегородка, то называли *чалан* либо *пұлём*. На входе находился *алък кукри* («дверной угол»).

Важным ориентиром в организации территории дома считают *кёреке* («передний угол»). Чести стать участником застолья в переднем углу удостаивались главные гости торжеств. Здесь пируют старожилы в доме Михедэра, в этом же углу Тохтаман в окружении родных ожидает гостей из Сильби:

Старики в углу почетном
Пьют ковшами пиво с медом...

А в углу переднем, красном
Гости важностью побольше
Угощаются особо¹⁵.

Домашняя мебель также не обделена авторским вниманием. Сказано о широкой лавке, стульях, столах из белой липы и дуба. Упомянут и *чаршав* («занавес»), за которым находится Нарспи перед встречей с женихом. Ожидание невесты за занавесом в *тёпеле* и исполнение напева *хёр йёрри* («плач невесты»), символизировавшего прощание с родными и отчим домом, было традицией чувашей.

Произведение завершает этнографическое наблюдение, связанное с обрядом *сумёр чу́к* («иницирование дождя»). Чувашаи-односельчане во время засухи обливали водой могилу покончившей с собой Нарспи, поскольку считали, что умершие недоброй смертью покойные не давали поселению дождя¹⁶. Аналогично поступали марийцы, кряшены и другие народы Урало-Поволжья:

И поныне в славном яле
О Нарспи – несчастной деве
Вспоминают поселяне.
И всегда, как суховеи
Не дают дождям пролиться

¹⁴ Иванов 1937, 49.

¹⁵ Иванов 1937, 44, 46, 78.

¹⁶ Салмин 2007, 71.

На сухую землю, люди
 На унылую могилу
 У долины Конопляной
 Щедро льют с молитвой воду¹⁷.

Заключение

«Нарспи», безусловно, является произведением, насыщенным сюжетами этнографического содержания, отразившими традиционную культуру чувашской деревни рубежа XIX–XX столетий. Естественно, не только образы поселения и жилища воспроизведены автором, поэма имеет многочисленные описания календарных обрядов, свадебных торжеств и иных действий. Гармоничное сочетание сюжетной линии с судьбой героев, совместно с этнографическими зарисовками позволили К.В. Иванову в полной мере воплотить свой творческий замысел.

ЛИТЕРАТУРА

- Иванов, В.П. 2005: *Расселение и численность чувашей в России: историческая динамика и региональные особенности. Историко-этнографическое исследование*: дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары.
- Иванов, К.В. 1937: *Нарспи*. М.
- Надырова, Х.Г. 2010: Хазаро-болгарские традиции в градостроительстве Волжско-Камской Булгарии. *Известия КазГАСУ* 2 (14), 20–31.
- Петров, И.Г. 2011: Этнография и фольклор чувашского народа в поэме К.В. Иванова «Нарспи». В сб.: *Николаевские чтения-2011: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф., посвящ. академику В.В. Николаеву*. Стерлитамак, 182–185.
- Салмин, А.К. 2007: *Система религии чувашей*. СПб.
- Сбоев, В.А. 1856: *Исследования об инородцах Казанской губернии*. Казань.

REFERENCES

- Ivanov, K.V. 1937: *Narspi*. Moscow.
- Ivanov, V.P. 2005: *Rasselenie i chislennost' chuvashei v Rossii: istoricheskaya dinamika i regional'nye osobennosti. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie*: dis. ... d-ra ist. nauk. Cheboksary.
- Nadyrova, H.G. 2010: Hazaro-bolgarskie traditsii v gradostroitel'stve Volzhsko-Kamskoj Bulgarii. *Izvestiya KazGASU* 2 (14), 20–31.
- Petrov, I.G. 2011: Etnografiya i fol'klor chuvashskogo naroda v poeme K.V. Ivanova «Narspi». In: *Nikolaevskie chteniya-2011: sb. materialov vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. akademiku V.V. Nikolaevu*. Sterlitamak, 182–185.
- Salmin, A.K. 2007: *Sistema religii chuvashy*. Saint-Petersburg.
- Sboev, V.A. 1856: *Issledovaniya ob inorodtsah Kazanskoy gubernii*. Kazan.

¹⁷ Иванов 1937, 137–138.

Vladislav V. Medvedev

Surgut State Pedagogical University, Russia,
vlad.etno@mail.ru

Abstract. The work of K.V. Ivanov «Narspi» is an artistic, but sufficiently reliable ethnographic source about the life of Chuvash village of the late 19th – early 20th century. The poem has been reprinted many times. There are 31 copies of this work reissue in the funds of the « Chuvash Republic State archive of print», 9 of which were published in the Chuvash language in Moscow, Cheboksary and Kazan in 1919, 1930, 1935, 1947, 1959, 1967, 1976, 1993 and 1994. 2078 lines, collected in 14 chapters, create a story about the Chuvash culture and traditions. Referring to the various aspects of the life of the Chuvash, the peculiarities of farming or national representations, colorful examples and original descriptions are met. Researchers have repeatedly addressed and still address to this work, revealing new stylistic constructs, focusing attention on actual stories of today, but considering the poem only in terms of literature, but the text «Narspi» is filled with materials of ethnographic and folklore character as well. The author of the article for his part considers domesticated space created by the rural world. For the first time settlements, houses, farm buildings and objects, shared by villagers, referred in the poem will be analyzed. The article mentions the structure of settlement and its street plan, the estate complex with residential and farm buildings, the internal organization of domestic space. The author's style, narrating about Narspi and Setnera's relationship and the Chuvash community as a whole, allows the reader to immerse himself in the village life of past centuries, thanks to the numerous ethnographic sketches, filling the content of the poem.

Key words: «Narspi», poem, ethnography, Chuvash, traditions
